

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЖ. Г. БАЛЛАРД

TERRA INCOGNITA



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Б20

Серия «Фантастика: классика и современность»

J. G. Ballard
THE DROWNED WORLD
THE DROUGHT WORLD
THE CRYSTAL WORLD

Перевод с английского *А. Грузберга* («Затонувший мир»),
Г. Соловьевой («Выжженный мир»),
В. Гольдича и *В. Лапицкого* («Хрустальный мир»)

Серийное оформление *В. Половцева*

Художник *В. Половцев*

Печатается с разрешения J.G. Ballard Estate Ltd.
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Баллард, Дж. Г.

Б20 Terra Incognita : Затонувший мир. Выжженный мир. Хрустальный мир : [сборник ; перевод с английского] / Джеймс Г. Баллард; пер. с англ.. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 544 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-103504-4

Три сценария Апокалипсиса от Дж. Г. Балларда.

Картина первая. Экологическая катастрофа приводит к глобальному потеплению. Мир затоплен водой. Первобытные рептилии и гигантские растения, как тысячи лет назад, восходят на сцену Истории. Голос Разума умолкает под напором инстинктов.

Или так — моря покрываются пленкой, не пропускающей воду. Дожди прекращаются, и лицо планеты опалает жестокая Засуха.

И третий сценарий. Прозрачные колючие кристаллы покрывают поверхность Земли, обещая не то новый ледниковый период, не то невиданную доселе эволюцию жизни.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© J.G. Ballard, 1962, 1965, 1966

© Перевод. А. Грузберг, 2017

© Перевод. В. Соловьева, 2017

© Перевод. В. Гольдич, 2017

© Перевод. В. Лапицкий, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Затонувший МИР

1. НА БЕРЕГУ В ОТЕЛЕ «РИЦ»

Екоро станет слишком жарко. Глядя с балкона отеля в начале девятого часа утра, Керанс следил за солнечным диском, поднимавшимся сквозь густую рощу хвощей над крышами заброшенного универмага к востоку от лагуны. Даже сквозь толщу оливково-зеленых листьев безжалостная сила солнечных лучей вызвала болезненное ощущение. Отраженные лучи ударили по обнаженной коже груди и плеч, вызывая первый пот; пришлось надеть тяжелые защитные очки. Солнечный диск больше не был очерченной сферой; он превратился в широкий растянутый эллипс, двигавшийся по восточной части горизонта, как огромный огненный мяч, его отражение превратило мертвую свинцовую поверхность лагуны в сверкающее медное поле. К полудню, менее чем через четыре часа, вода будет казаться горячей.

Обычно Керанс вставал в пять и отправлялся сразу на биологическую испытательную станцию, где работал четыре-пять часов, прежде чем жара становилась невыносимой, однако сегодня ему очень не хотелось покидать прохладные, защищенные воздушным занавесом помещения отеля. Он провел несколько часов до завтрака в одиночестве, написав шестистраничное вступление в свой дневник, умышленно откладывая уход, пока полковник Риггс не проедет мимо отеля на своем патрульном катере: тогда будет уже слишком поздно идти на станцию. Полковник всегда готов был под-

держат часовую беседу, особенно подогретый несколькими порциями аперитива, и когда он покинет отель, полный мыслями о предстоящем ланче на базе, будет уже не менее одиннадцати тридцати.

Однако сегодня почему-то Риггс задерживался. По-видимому, он предпринял более дальний рейс по соседним лагунам, а может быть, ждал Керанса на испытательной станции. Вначале Керанс подумал, что можно попробовать связаться с Риггсом по радиопередатчику, настроенному на волну отряда, но потом вспомнил, что батареи давно сели, а сам передатчик погребен под грудой книг.

Наклонившись над перилами балкона — стоячая вода десятью этажами ниже отражала его худые угловатые плечи и вытянутый профиль, — Керанс следил за одним из бесчисленных тепловых вихрей, мчавшихся через рощу хвощей, окаймлявшую берег лагуны. Задержанные окружающими зданиями и огражденные от смешивания слоев, «карманы» воздуха внезапно разогревались и устремлялись вверх, на их месте давление резко понижалось. За несколько секунд облака пара, висящие над поверхностью воды, рассеивались, и разражался миниатюрный торнадо, ломавший 60-футовые деревья, как спички. Затем, также внезапно, порыв прекращался, и огромные колоннообразные стволы падали друг на друга в воду, как вялые аллигаторы.

Керанс говорил себе, что разумнее было бы остаться в отеле: порывы происходили все чаще, по мере того как росла температура; но он знал, что главной причиной его нежелания выходить было признание того, что делать особенно нечего. Биологическое картографирование превратилось в бесцельную игру; на линиях, нанесенных двадцать лет назад, неожиданно обнаруживалась совершенно новая флора; и он был уверен, что никто в Кемп Берд, в Северной Гренландии, не побеспокоится зарегистрировать его доклады, тем более прочитать их.

Действительно, однажды старый доктор Бодкин, помощник Керанса по станции, включил в доклад рассказ одного из сержантов полковника Ригтса. Тот был свидетелем появления большого ящера со спинным плавником, напоминавшим парус; этот ящер, плававший в одной из лагун, в точности походил на пеликозавра — ископаемое пресмыкающееся из ранних пенсильванских отложений. Если бы его доклад по достоинству оценили — а он означал возвращение эры гигантских рептилий, — то тут немедленно появилась бы армия экологов в сопровождении армейских отрядов с тактическим атомным оружием и приказом не допускать распространения ящеров дальше чем на двадцать узлов. Но кроме обычного подтверждения, что доклад получен, ничего не последовало. Возможно, специалисты в Кемп Берд были слишком уставшими даже для того, чтобы рассмеяться.

В конце месяца Ригтс и его небольшой сдерживающий отряд завершит обследование города (Керанс спрашивал себя, какой это город: Париж? Лондон?) и отправится на север, буксируя за собой испытательную станцию. Керансу трудно было представить себе, что придется покинуть эти помещения под крышей отеля, где он жил последние шесть месяцев. Репутация «Рица», как признавал Керанс, была вполне заслуженной: ванная комната, например, с ее черными мраморными бассейнами и позолоченными кранами и зеркалами напоминала алтарь большого собора. Керансу нравилось думать, что он был последним постояльцем отеля; он понимал, что заканчивается определенный период его жизни — одиссея по затопленным городам юга скоро закончится с возвращением в Кемп Берд с его жесткой дисциплиной, и это будет прощанием с долгой и блестящей историей отеля.

Он был прикомандирован к отряду Бригтса в день отъезда и принял это назначение с удовольствием: хотелось сменить свой тесный закуток среди лаборатор-

ных столов испытательной станции на простор высоких комнат отеля. Ему нравилась роскошная парчовая обивка стен, нравились бронзовые стилизованные статуи в коридорных нишах — он воспринял их как естественное обрамление своего нового образа жизни; он смаковал утонченную атмосферу меланхолии, пронизывавшую эти останки цивилизации, теперь уже фактически исчезнувшей. Слишком много других зданий вокруг лагуны затянуло илом, и теперь только «Риц» стоял в гордом одиночестве на западном берегу, и его величие не портили даже ростки синей плесени на коврах в коридорах, хранивших достоинство XIX столетия.

Помещения были предназначены для известного миланского банкира, богато украшены и великолепно оборудованы. Воздушные занавесы, охранявшие от жары, все еще хорошо функционировали, хотя нижние шесть этажей отеля скрылись под водой, стены начали трескаться, а 250-амперная установка кондиционера работала безостановочно. Хотя помещение пустовало уже десять лет, сравнительно немного пыли собралось на каминах и позолоченных столиках, а три фотографии на покрытом крокодиловой кожей письменном столе — сам банкир, его лоснящаяся, упитанная семья и, наконец, еще более лоснящееся 40-этажное здание конторы — были вполне различимы. К счастью для Керанса, его предшественник покинул отель в спешке, и буфеты и гардеробы были набиты сокровищами: одеждой, украшенными слоновой костью теннисными ракетками, а в коктейль-баре находились достаточные запасы виски и бренди.

Гигантский комар-анофелес, похожий на летающего дракона, пролетел мимо его лица, опустился и скрылся за выступом здания в том месте, где был причален катамаран Керанса. Солнце все еще не вышло из-за деревьев на восточном берегу лагуны, но утренняя жара уже выгоняла огромных отвратительных насекомых из их убежищ в покрытых мхом стенах отеля. Керанс вы-

нужден был укрыться за проволочной сеткой. В свете раннего утра странная траурная красота нависла над лагуной; мрачные зелено-черные листья хвощей, пришельцев из триасовой эпохи, и полузатонувшие белые каркасы зданий XX столетия все еще отражались вместе в темном зеркале воды — два мира, по-видимому, встретившиеся в какой-то точке времени. Эта иллюзия моментально пропадала, как только гигантский водяной паук разбивал маслянистую поверхность воды в ста футах внизу.

В отдалении, где-то за затонувшим остовом большого строения готического стиля в полумиле к югу, взревел мотор и поднял небольшую волну. Керанс ушел с балкона, закрыл за собой проволочную дверь и пошел в ванную бриться. Водопровод давно не действовал, но Керанс расчистил плавательный бассейн на крыше и провел оттуда трубу через окно.

Хотя Керансу было уже около сорока и борода его побелела от радиоактивного фтора, содержащегося в воде, черные волосы и сплошной загар желтовато-коричневого цвета делали его на десять лет моложе. Хроническое отсутствие аппетита и новые разновидности малярии, иссушившие кожу на скулах, придали его лицу аскетическое выражение. Бреясь, он критически осматривал свое лицо, ощупывая пальцами натянутую кожу, массируя мускулы — черты лица его и мускулатура постепенно менялись, как бы проявляя скрывавшегося в нем другого человека. Несмотря на этот самоанализ, он чувствовал себя более спокойно и уравновешенно, чем раньше, а холодные голубые глаза смотрели на него из зеркала с ироническим отчуждением. Полуосознанное погружение в обычный мир, с его ритуалами и обычаями, прошло. Если он и теперь держался в стороне от Риггса и его людей, это вызывалось скорее стремлением к удобствам, чем человеконенавистничеством.

Выйдя из ванны, он выбрал из груды одежды, оставленной банкиром, кремовую шелковую рубашку и брю-

ки с ярлыком Цюриха. Плотно затворив за собой двойные двери — все помещение представляло собой стеклянный ящик внутри другого ящика, кирпичного, — он спустился по лестнице.

Керанс вышел к площадке, где напротив катамарана был причален катер полковника Риггса — переоборудованная наземная машина. Риггс, аккуратный, щегольски одетый человек, стоял на носу, поставив ногу в сапоге на борт катера, и осматривал берега бухты и свисающие в воду джунгли, как африканский первопроходец древних времен.

— Доброе утро, Роберт, — приветствовал он Керанса, спрыгивая на качающуюся платформу — пятидесятигаллоновый барабан, привязанный к деревянной раме. — Рад видеть вас здесь. Есть работа, в которой вы могли бы мне помочь. Сможете на день отлучиться со станции?

Керанс помог ему перебраться на бетонный балкон — выступавший над водой остаток седьмого этажа отеля.

— Конечно, полковник. Вы знаете, я всегда готов вам помочь.

Фактически испытательная станция была в полном подчинении Риггса, и поэтому Керанс не мог отказаться, но отношения между этими двумя людьми были лишены церемонности и официальности. Они работали вместе уже в течение трех лет, по мере того как испытательная станция и ее военный эскорт медленно двигались на север по европейским лагунам, и Риггс предоставил Керансу и Бодкину возможность заниматься своим делом, не вмешиваясь, слишком занятый нанесением на карту движущихся отмелей и гаваней и эвакуацией последних жителей. В последнем случае он часто нуждался в помощи Керанса, так как большинство людей, еще оставшихся в затонувших городах, были либо психопатами, либо страдали от длительного недоедания и радиации.

В дополнение к своей работе на движущейся испытательной станции Керанс исполнял обязанности врача сдерживающего отряда. Большинство людей, которых они эвакуировали, требовали немедленной медицинской помощи, прежде чем их можно было на вертолетах доставить на один из гигантских танкеров, которые должны были перевезти беженцев в Кемп Берд. Остатки военных отрядов, слонявшиеся в покинутых болотах, умирающие отшельники, не способные самостоятельно расстаться с городами, где проходили последние годы их жизни, потерявшие мужество грабители, первоначально стремившиеся поживиться добычей в покинутых городах, — всем этим людям Риггс помогал спастись, а Керанс всегда готов был поддерживать их обезболивающими или успокаивающими средствами. Керанс считал Риггса, несмотря на его подчеркнуто военную внешность и манеры, разумным и приятным человеком, наделенным вдобавок сильным чувством своеобразного юмора. Порой ему хотелось проверить свое мнение сообщением о бодкинском пеликозавре, но всякий раз он почему-то отказывался от этого.

Сержант, строгий, добросовестный шотландец, по фамилии Макреди, взобрался на проволочную сетку, покрывавшую палубу катера, и аккуратно очищал ее от тяжелых листьев и лиан. Никто из остальных троих людей, бывших на палубе, не пытался помочь ему; под коричневым загаром лица их были худыми и истощенными, они равнодушно сидели в ряд. Постоянная жара и ежедневные огромные дозы антибиотиков лишили их всей энергии.

Солнце поднялось над лагуной еще выше, превратив облака пара в сплошной золотой занавес, и Керанс почувствовал ужасное зловоние, шедшее от поверхности воды: смешанный запах мертвых растений и разлагавшихся тел животных. Огромные мухи жужжали вокруг, задерживаемые проволочной сетью катера, а над

поверхностью воды неслись большие летучие мыши, направляясь к своим жилищам в полузатонувших зданиях. Керанс понял, что лагуна, казавшаяся ему с балкона несколько минут назад прекрасной и безмятежной, на самом деле была огромным болотом, полным гниющего мусора.

— Пойдемте наверх, — предложил он Ригтсу, понижая голос, чтобы не услышали остальные, — у меня есть что выпить.

— Хороший вы парень. Рад, что вы сохранили прекрасные манеры. — Риггс крикнул Макреди: — Сержант, я отправлюсь вверх проверять работу дистилляционной установки доктора. — Он подмигнул Керансу, так как Макреди принял его слова со скептическим кивком, но предлог был безупречным. Остальные люди на палубе сняли с поясов фляжки и, получив неохотное одобрение сержанта, собрались спокойно ждать возвращения полковника.

Керанс через подоконник взобрался в спальню, выходящую на выступ:

— В чем ваше затруднение, полковник?

— Это не мое затруднение. В действительности оно ваше.

Они с трудом поднимались по лестнице, Риггс своей полицейской дубинкой время от времени сбивал лианы, оплетававшие перила.

— Вы не застали здесь работающий лифт? Я всегда говорил, что это место переоценивают. — Однако он одобрительно улыбнулся, когда они вступили в прохладные помещения под крышей, и с довольным видом уселся в позолоченное кресло в стиле Людовика XV. — Что ж, тут неплохо. Я всегда считал, что вы умеете извлекать пользу из этих обломков. Хорошо было бы пожить тут. Найдется место?

Керанс покачал головой, нажимая кнопку и выжидая, пока из фальшивого книжного шкафа появится коктейль-бар.

— Попробуйте пожить в Хилтоне. Там лучше обслуживание.

Ответ был шутливым, но хотя Керансу и нравился Риггс, он предпочитал видеться с ним как можно реже. Сейчас они были разделены лагуной, а от постоянного звона оружия и кухонных запахов базы их отделяли джунгли. Хотя Керанс знал всех членов отряда Риггса — их было человек двадцать, — за исключением коротких разговоров в госпитале, он уже шесть месяцев ни с кем не разговаривал. Даже свои контакты с Бодкиным он свел к минимуму. По взаимному согласию биологи отказались от шуток и коротких бесед на посторонние темы, которые случались у них в первые годы работы.

Растущая замкнутость и стремление к одиночеству, которые проявляли все члены отряда, за исключением жизнерадостного Риггса, напоминали Керансу замедленный метаболизм и биологическое одиночество, которое испытывали все животные формы перед большими видовыми изменениями. Иногда он размышлял над тем, в каком переходном периоде он сам находится, ибо был уверен, что его самоизоляция не проявление скрытой шизофрении, а тщательная подготовка к совершенно иной жизненной среде, со своей внутренней логикой, где старые категории будут лишь препятствием.

Он протянул стакан шотландского виски Риггсу, поставил свой стакан на стол, слегка сдвинув при этом груду книг с приемника.

— Слушаете иногда эту штуку? — спросил Риггс с легким намеком на неодобрение в голосе.

— Никогда, — ответил Керанс. — Зачем? Мы знаем новости на следующие три миллиона лет.

— Вряд ли. Вам следует иногда включать приемник. Можно услышать интересные вещи. — Он поставил стакан и наклонился вперед. — Например, сегодня утром вы могли бы услышать, что мы в течение трех дней должны собраться и уйти. — Он кивнул, когда Керанс с удивлением взглянул на него.